

Автобус, как и ожидала Ирка, был переполнен. На иркиной остановке из него, правда, половина пассажиров вышла, но желающих войти было еще больше. Ирке удалось подсуетиться и пролезть в автобус первой, но радость была недолгой — не желающая идти пешком толпа ввалилась следом и припечатала Ирку к стенке на задней площадке. Это был не самый плохой вариант — можно смотреть в окно, что делает поездку не слишком скучной, и подышать воздухом, чуть более свежим, чем дыхание пассажиров.

Ехать Ирке было долго, и она старалась думать о чем-то своем, чтобы не обращать внимание на постоянно упирающиеся в спину локти и шарахания на поворотах, то отбрасывающие ее от окна, то норовящие выдавить вместе с окном наружу. Ирке приходилось часто ездить на этом автобусе в час пик, она привыкла к этой давке и научилась относиться к ней философски: не можешь избежать — терпи, не можешь терпеть — отвлекись. Конечно, для четырнадцатилетней девчонки такая рассудительность редка, но человек, как известно, ко всему привыкает, даже в таком возрасте.

На этот раз, однако, появилось какое-то непривычное ощущение. Оно появилось, тут же исчезло, снова появилось, продержавшись чуть дольше, вновь исчезло, а когда Ирка наконец поняла, что это такое, оно появилось опять и уже не исчезало. Это была чья-то ладонь, которая легла на иркину попу. Ирка подождала, надеясь, что ладонь опять исчезнет, но вместо этого почувствовала легкое сжатие своей попки пальцами. Они сжимались и разжимались, то совпадая с шараханиями автобуса, то не совпадая. Улучив момент, Ирка, насколько ей позволяла сдавленность, резко дернула попой в сторону, пытаясь сбросить нахалку, одновременно, чуть не вывернув шею, повернулась, чтобы посмотреть, кому эта нахалка принадлежит.

Принадлежала она молодому человеку довольно приятной внешности, старательно делавшему вид, что он тут ни при чем. Тем не менее он продолжал свое дело, а иркин рывок привел лишь к тому, что его рука оказалась на иркиной ножке чуть ниже попы.

Удобно устроившись, рука сползла немного вниз и ее пальцы легко коснулись ножки уже чуть ниже юбки. Чтобы как-то отвлечься, Ирка стала вспоминать события дня. По закону подлости, первое, что она вспомнила, были мальчишки, сидевшие под лестницей и заглядывавшие девочкам под юбки. Рука на секунду отпустила Ирку, но тут же появилась снова и медленно двинулась вперед и вверх, оказавшись под иркиной юбкой в самом низу ее животика. Ирка почувствовала, как ее щеки краснеют, ей казалось, что весь автобус видит, что с ней делают, и ей стало не по себе. Резкий толчок автобуса привел ее в чувство, чуть скосив глаза в стороны, она увидела, что никто не обращает на нее внимания. Ирка несколько успокоилась, тем более, что рука оставалась неподвижной.

Надолго все же терпения руки не хватило. Она чуть-чуть сдвинулась вниз, но как раз настолько, что пальцы легли Ирке между ног и легонько нажали на нее снизу. Ирка сжала ноги, пальцы прижались к ней плотнее, и тут Ирка неожиданно почувствовала, что все это ей приятно. Несколько секунд поколебавшись, Ирка разжала ноги. В благодарность пальцы погладили ее между ног и только сейчас до Ирки дошло, что с ней делают. Ирка оцепенела от страха, она ничего уже не чувствовала. Через некоторое время она вдруг поняла, что пальцев между ног уже нет — рука двинулась вверх и очутилась на иркином животике повыше

трусиков, пальцы осторожно прошлись по резинке. Ирке было жутко стыдно, но, как это почти всегда бывает с юными девочками, она больше боялась того, что это увидят, чем того, что все это будет продолжаться. Она постаралась как можно сильнее прижаться животом к стенке, чтобы ничего не было видно.

Рука подалась выше и неожиданно оказалась между животиком и резинкой трусиков. Почти сразу же она стала медленно продвигаться вниз. Об иркины щеки уже можно было зажечь спичку, Ирка напряглась, ее губы задрожали и новая волна страха и стыда с ног до головы окатила девочку. Рука замерла на месте, дав иркиному страху время притихнуть, и когда страх отпустил Ирку, снова двинулась вниз. Дойдя до мягких нежных волосиков на лобочке, рука остановилась вновь, большой палец зацепился за резинку трусиков, опустив их чуть-чуть вниз, и движение руки продолжилось.

Когда пальцы очутились между иркиных ножек, Ирка почувствовала непонятное удовольствие, почти сразу же сменившееся новой волной страха. Она совершенно не предполагала, что произойдет дальше, и в голове у нее сменяли друг друга самые нелепые и фантастические варианты продолжения, впрочем, вполне простительные для такой юной и неопытной особы. Между тем один палец лег наконец на щелку и медленно, без надавливания, стал ее поглаживать. Сначала это вызывало у Ирки не очень приятные ощущения, но она чувствовала, как между ножек становится влажно, и с этой влажностью движения пальца становятся все приятнее и приятнее... Ирка уже перестала воспринимать все, что происходило вокруг нее. Она не замечала ни давки, ни толчков и шатаний, не слышала ругани толкающих друг друга пассажиров, во всем автобусе кроме нее никого не было — даже этого парня, была только она и рука, рука сама по себе, и кому эта рука принадлежала — Ирке было уже все равно.

Рука заворочалась, поудобнее устраиваясь в иркиных трусиках, и палец продолжил гладить иркину щелку. Вдруг палец слегка надавил на губки и, раздвинув их, оказался там, где и иркина рука была редкой гостьей, а чужая не была еще никогда. Погладив иркины губки изнутри, он двинулся туда, где они сходились вместе, и стал делать круговые движения, как будто в поисках чего-то. Через пару секунд этих движений Ирка ощутила какое-то новое, незнакомое, но такое невыразимо приятное чувство. Оно повторилось, когда палец снова вернулся на это место, Ирка сделала глубокий вдох, чтобы сдержать уже готовый вырваться наружу стон сладострастия. Палец совершал круговые движения, теперь уже остановившись на найденном им месте, волны удовольствия вновь и вновь накатывались на Ирку, пока не заполнили ее всю. Странное дело, но Ирка все больше и больше узнавала эти ощущения, они казались ей родными и близкими, и даже странно было понимать, что она испытывает их впервые. Палец всю ласкал Ирку, она слегка расставила ноги, из последних сил сдерживая стоны и вздохи. Стыд ушел куда-то назад, единственное, чего Ирка боялась — что кто-то увидит.

... Страх оборвался вместе с удовольствием. На очередной остановке, где опять выходило пол-автобуса, рука мгновенно исчезла из иркиных трусиков. Ирка обернулась и увидела своего искусителя, затянутого в круговорот рвущихся к выходу пассажиров. Сама не понимая, почему она это делает, Ирка рванулась за ним, но он был уже на остановке, а в автобус вломились орущие толстые тетki с огромными кошелками, окружившие Ирку и отрезавшие ей путь к продолжению удивительного приключения.

... До своей остановки Ирка ехала в каком-то странном полусне. Ощущение теплоты и

удовольствия между ножек, еще остававшееся, проходило с каждым шагом, и Ирка, зайдя в ближайший подъезд поправить трусики, попробовала сама повторить автобусное переживание. Едва иркин палец вошел в щелку, как восхитительное чувство, заполнившее ее в автобусе, вновь обрело прежнюю силу. Чуть ли не бегом Ирка понеслась домой, стараясь не растерять по пути это ощущение, донести его до дома целиком. Еле открыв дверь дрожащими руками, Ирка влетела в квартиру. На ходу сбросив туфли, она упала на кровать и кое-как спустив трусики до колен, приросла рукой к своей такой неожиданно ненасытной щелке. Ее палец двигался вперед и назад, нетерпеливо отыскивая то место, через которое ей открылась дорога в мир наслаждения. Трусики мешали Ирке, она скинула их совсем и, повалившись на спину, продолжала сладострастные поиски. Наконец уже знакомое чувство вновь нахлынуло на Ирку, она нашла то, что искала, ее палец задрожал, закружился на этом месте, и снова нахлынуло наслаждение, и еще раз, и еще, еще, еще... Ирка уже не сдерживала себя — она была одна, ей некого было бояться и стесняться, она охала и всхлипывала, стонала и визжала, смеялась и плакала как дурочка, и наконец, после длинного и протяжного стоны, затихла. Легкое, почти незаметное облачко стыда еще виднелось на небосклоне ее наслаждения, но Ирке было уже не до того — она теперь узнала дорогу к счастью, и она знала, что пойдет по ней снова и снова, но пока не представляла, куда